

Страсть аристократа

НИКИТА Дмитриевич как-то сказал, что Лондон — это город, в котором человеческий масштаб и имперская архитектура не противостоят друг другу. Квартира князя на Оксфорд-Корт полностью соответствует этому утверждению. Тихая улица в центре Лондона. Темно-красные невысокие дома с непремненным привратником обрамляют небольшой двор со сквером и парковкой для машин. Здесь все дышит стабильностью и хорошим тоном. На втором этаже одного из этих домов — апартаменты Лобановых.

Сразу же, в прихожей, попадаешь в плен Александра Бенуа. Стены выкрашены в красный цвет, напоминающий интерьеры старых солидных театров («Прихожая у нас непременно красная», — с гордостью говорит Лобанов, — где бы мы ни жили. Нам нравится, когда жилище уже с порога производит впечатление уютной гавани, куда радостно возвращаться»), на стенах эскизы Бенуа к «Петрушке». Теплый свет, золотые рамы...

Вообще-то в лондонской квартире Лобановых коллекция не «живет»: здесь собраны только любимые вещи. Основное собрание находится сейчас в Гамбурге, в надежных руках фирмы «Хазенкамп». Последние выставки Лобановы устраивали (пользуясь услугами этой компании) в Германии, после чего собирались показать коллекцию в Париже и Токио, поэтому временно расстались со своим сокровищем.

Все в доме отражает вкус владельцев. Даже ванная комната оклеена голубой бумагой, — чтобы соответствовать эскизам А. Бенуа к подводным сценам в «Садко». Мы располагаемся в просторной гостиной, где доминируют зеленоватобирюзовые оттенки, и несколько сурово смотрят из своих портретных окон предки князя.

София — странный выбор богатого эмигранта

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился 6 января 1935 года в Софии. Родные его матери — Ирины Васильевны Вырубовой — после революции обосновались в Париже. Дед Лобанов, Василий Васильевич Вырубов, был товарищем министра у князя Львова (последнего главы временного правительства). После Октября они поехали в Штаты к президенту Вильсону за помощью. Получив отказ, Львов и Вырубов отправились в Париж, где у Львова еще с начала века была собственная квартира. Так Вырубовы обосновались в Париже.

Родственникам Никиты Дмитриевича по линии отца повезло гораздо меньше. Часть семьи Лобановых осталась в России. Правда, вскоре после революции им удалось перебраться в Одессу. Однако еще до войны 1914 года старшая дочь князя Лобанова Ольга уехала учиться в Швейцарию. В 1923 году у нее созрела идея отправиться в Советскую Россию и вывезти семью. Княжна поехала прямым поездом через Бухарест. В ее купе первого класса сидел мужчина, с которым после двух дней пути Ольга Ивановна поделалась своими планами. Он счел это безумием, но потом дал ей свою визитную карточку и сказал: «Передайте ее моему другу, капитану порта Галам Константину Улику. Он вам поможет, поскольку он такой же «отчаянный», как и вы». Это была карточка военного министра Румянина...

Улик действительно помог Ольге: нелегально взял военное судно и вывез княжну к границе России. Через три дня капитан пообещал жалать женщину с семьей на том же месте в нейтральных водах.

Самое удивительное, что Ольге удалось перевезти всю свою семью. Более того, дело оказалось довольно простым. Лобановы внешне очень похожи на калмыков, поэтому семейство переселось крестьянами, загрузило свои вещи на телегу и отправилось в путь... До Румянина добрались без приключений. А там их всех (вместе с капитаном Уликом) тут же и арестовали... Ибо уже тогда существовало соглашение между Румынией и Советской Россией о выдаче нелегальных беженцев.

Однако Лобановых не выдали СССР (так как у них были деньги), и старый князь с семьей отправился в Софию. Столь странный выбор был обусловлен исключительно тем обстоятельством, что в Софийском соборе Александра Невского по воскресеньям поет хор Софийской оперы: князя интересовали лишь две вещи — музыка и православие. Ему даже удалось вывезти в Софию своего «страдальца».

В Болгарии семья жила довольно неплохо даже несмотря на то, что бабушка Никиты потеряла большую часть своего состояния на «угонных коях» (болгары зарыли в поле несколько телег угля и предложили вкладывать деньги в «мессоружение»). Предпочтение отдавалось английскому стилю. Отец Никиты Дмитриевич был послан учиться в Англию, в школу Харроу.

Родители Никиты познакомились в Париже. Поженились и вернулись в Болгарию, где и родился Никита. А спустя несколько лет началась война...

Марк Шагал. Алеко и Земфира, 1942 г.

Лев Бакст. Костюм для Нижинского в роли Беотца, 1911 г.

Война

Рассказывает Никита Дмитриевич:

— Почему-то война живет во мне осколками некоторых, в общем-то вполне мирных «сценариев». И хотя я прекрасно помню ужасы бомбежек и неприятнейшую мушкетер в немецкой школе (куда я ходил во время оккупации), главным для меня стало другое. Например, очень четко помню, как в августе 1943 года по радио объявили о смерти царя Бориса. Колокола соборов в Софии тогда скорбно звонили о его кончине. А мой дед встал и перекрестился... Для моего детского сознания это было очень напряженное эмоциональное потрясение.

Царя Бориса III Гитлер вызвал в Берлин — оказать давление, чтобы он официально разрешил прогнать немецким войскам через Болгарию и таким образом дал им возможность ударить с тыла по нефтяным районам Баку. Однако, несмотря на то что царь Борис был по происхождению немцем (Кобург-Гота), он отказался выполнить «пожелание» Рейха — поскольку Болгария традиционно слишком сильно привязана к России. И тогда в его кислородную маску (в то время еще летали на военных самолетах с масками) положили яд... Приземлившись, царь Борис умер.

Другое мое воспоминание связано с переездом. С началом войны наша жизнь резко изменилась. 30 марта 1944 года, ночью, Софию разбомбили. Город горел...

Те вещи, которые можно еще было собрать в нашей квартире, мы сложили на кровать. Мой отец являл нашу нагроможденную веками кровать за веревки целых 5 километров в предместье Софии (Красно Село), где у наших знакомых армия был склад. Глава семейства Мурадян торговал табаком, и мы поселились в одной из складских комнат, выхваченной оттуда тучи табака. Так мы и прожили до конца войны — на складе...

«Бывалый» эск

Налюбовшись доставило советской власти немало забот. Беспокорное, прямо скажем, семейство. Сначала в 20-е годы умудрялись выехать со всем скарбом за рубеж. Потом, в сентябре 1944 года, когда Болгарию оккупировала советская ар-

мия, их снова понесло в края, где режим не столь однолинейный...

Лобановым помогали из Парижа старый Вырубов. Иначе, конечно, они не могли бы даже и думать о таком мероприятии, как нелегальный переход границы (дегально их не отпускали). Дед Вырубов с помощью денег и одной из западных разведслужб нашел для родственников проводника.

Они уже спускались к Салонику, когда болгарские пограничники обнаружили их следы. Проводник начал отстреливаться. Ему удалось бежать. А цепочка следов на свежем снегу выдала Лобановых. Поскольку греки охраняли свою границу довольно халатно, то бдительные болгарские стражи своих рубежей беспрепятственно вошли на чужую территорию и арестовали строптивое семейство.

Их посадили в военную тюрьму. Выпустили Лобановых только после того, как дядя Никиты — Николай Васильевич Вырубов, служивший после войны в секретариате ООН, на одном из заседаний ООН заявил: «Как же Болгария может стать членом ООН, когда она держит в тюрьме людей, которые были схвачены на территории другого государства?» Ситуация для властей осложнилась еще и тем, что Ирина Васильевна была французской подданной, а Никита был записан в ее паспорт.

Рассказывает Никита Дмитриевич:

— Сначала я попал в военную тюрьму. В камерах не было окон, но мне повезло — моя камера была последней в коридоре, который заканчивался окном. Поэтому я кое-что мог слышать из того, что происходит во дворе. Это было жестоко, потому что до меня доносились крики избиваемых и звуки расстрелов по ночам (болгары заводили моторы грузовиков, но выстрелы все равно были слышны). Однако именно это окно помогло мне узнать, что моего отца также держат здесь.

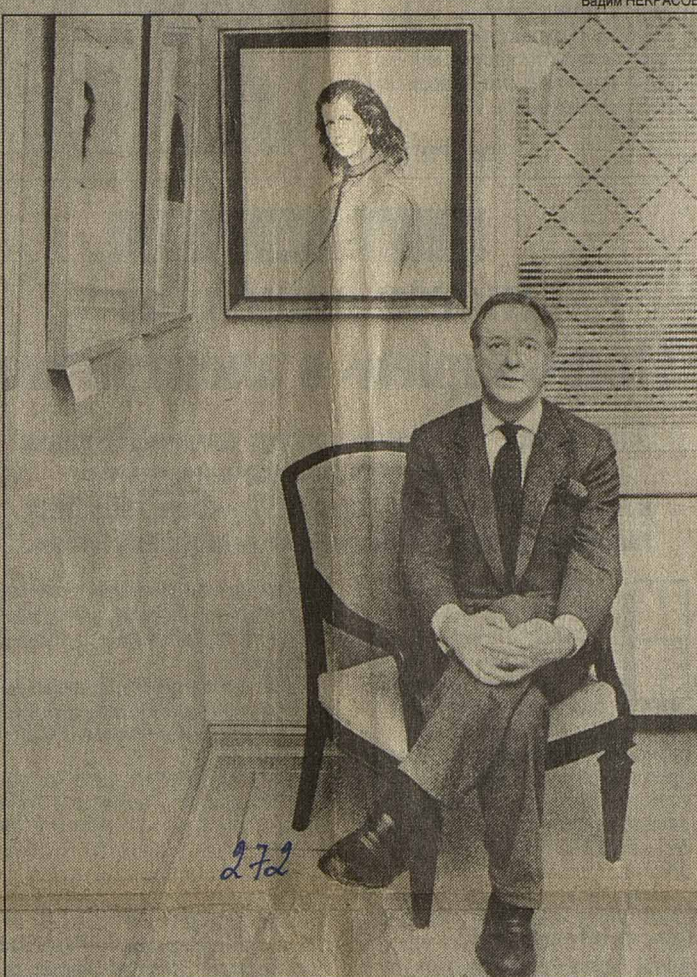
Раз в месяц в тюрьму приходил парикмахер и стриг людей как раз возле этого окна в коридоре. И вот в один из таких визитов я услышал, что кто-то навещает старый английский военный мари, любимую мелодию моего отца! Я тут же продолжил жить своей жизнью... Так мы узнали, что сидим рядом. В день нам давали, кажется, 120

Новые времена пишут нашу историю по-новому. Одна из самых заворающих ее страниц — судьба первой русской эмиграции.

Чтобы не переписывать ее еще раз, необходимы сведения из первых рук. Потомок князей Лобановых-Ростовских заслуживает особого внимания. Много известно о его замечательной коллекции и удивительно мало — о перипетиях его судьбы. Предки Никиты Дмитриевича укрепляли российскую государственность (вылито до отставания полезности кнута, чему посвящена эпиграмма Пушкина «Заступники кнута и плети...» (1819). Сам он собрал лучшую в мире коллекцию русской театральной живописи, занял прочное положение в банковском мире. Кто знает, добился бы он такого успеха, если бы жизнь не бросала его из князя в грязь, заставляя всего в этом мире добиваться собственными силами. Как?

Об этом и рассказывает Никита Дмитриевич ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ, российский князь, американский банкир, всемирно известный коллекционер...

Вадим НЕКРАСОВ

272

граммов хлеба. И это было все. Я разболелся, и меня перевели в нормальную тюрьму — для условников: Центральную. Она показалась мне раем, потому что там кормили 2 раза в день. А утром давали теплый чай. И к тому же там меня лечили — в тюремной больнице.

В тюрьме я провел год. Потом меня выпустили. Свобода оказалась жестокой — нашу квартиру конфисковали, и никто из наших знакомых не хотел взять меня жить к себе. А без прописки тогда было нельзя. Мне было всего 12 лет... Что делать? Единственный человек, который меня не оттолкнул, была моя няня — Елена Ивановна Иванюк. Она сама к тому времени оказалась на самом дне общества: работала посудомойкой в русском клубе. Большие притеснения ее уже было нельзя, поэтому она ничего не боялась. А ее супруг Николай Миронович был ночным сторожем. Ему, бывшему офицеру, тоже было плохо. Я собрал окурки на улице, потом раздирал их и продавал табакщикам по кило...

У няни я бита месяц три, пока не вышла из тюрьмы моя мама. В это время у наших знакомых Егоровых появилась лишняя комната, куда по тогдашним законам надо было кого-то вселить. Им было удобнее «вселить» нас. Потом мой отец тоже вышел из тюрьмы, и мы жили у Егоровых уже втроем.

В 1948 году отец исчез — как тогда многие исчезли: без официальных арестов, постановлений прокурора, суда... Большие мы его не видели. Недавно я узнал, что он был посажен в специальный истребительный лагерь в Болгарии, т.е. люди оттуда уже не выходили. Выдержат там можно было только полгода... Когда лагерь закрыли, все стражи расстреляли, здания снесли. Уцелел один габэшиник, который был начальником лагеря и от которого я все это узнал. Он сейчас в отставке, живет как почтенный человек в городе Старая Загора, в провинции Болгарии.

Как становятся чемпионами

Бежать — вот мысль, которая определяла жизнь Никиты все те четыре года от выхода из тюрьмы до отъезда во Францию. Тюрьма рани-

ла его на всю жизнь. Он стал резким противником советской власти. Он не мог простить исчезновения отца, тягот жизни, своего собственного детского ужаса и пошатнувшегося здоровья... В тюрьме у него выработался тот закал, злость, которые потом всегда помогали упрямо достигать поставленной цели.

После освобождения доктор сказал Никите: если не будешь заниматься спортом, останешься рахитичным. Он начал заниматься плаванием.

Тренировался до умопомрачения, даже в выходные дни: по 8 часов 6-7 километров! И в 1951 году стал чемпионом Болгарии по плаванию (100 и 200 метров в стиле брасс). И стиль, и сам вид спорта были выбраны Лобановым не случайно. Убежать из Болгарии можно было влпать, а брасс — единственный стиль, который позволяет видеть, что делается вокруг...

К счастью, Лобановым удалось уехать из Болгарии обычным путем, и юному князю не пришлось демонстрировать свою выносливость.

В обмен на локомотив

Рассказывает Никита Дмитриевич:

— Моя мать была французской подданной. Я был записан в ее паспорт. Но нас не выпускали. В то время в Софию был необычный французский посыл — писатель Ромен Гари, соратник де Голля: после войны де Голль ввел в МИД и на другие ключевые посты своих друзей, проверенных на войне.

Болгария тогда купила по аккредитованному французскому заводу Шнедер два электрических локомотива, которые должны были быть доставлены в Софию через разделенную на зоны союзников Вену. Железная дорога как раз была на «французской» территории.

Гари знал наши проблемы. В Софию, кроме нас, было еще четверо французских подданных, которых не выпускало болгарское правительство. Поэтому он воспользовался возможностью, позволив своему коллеге в Вену и попросил задержать локомотивы: есть, дескать, ошибка в аккредитации. Кто посмеет проверять соратника де Голля? Посол в Вене задержал злостных локомотивов...

Через три дня МИД Болгарии послал своего представителя к Гари

спросить: как насчет локомотивов? Гари ответил: «А как насчет французских подданных в Софии?» Болгарцы поняли...

Нам дали 48 часов на сборы. Дедушка в Париже купил нам билет на «Восточный Экспресс». Так мы с мамой очутились в Париже. Это случилось 30 сентября 1953 года. А через три года моя мама умерла от рака...

В Париже мы поселились у деда и жили на его щедрость. Но дед уже был пожилым, и, на мое счастье, в 1954 году каким-то анонимным благотворителем для беженцев из Восточной Европы была установлена стипендия. И я смог стать студентом геологии в Оксфордском университете, о чем мечтал с детства.

Америка!

Еще студентом Оксфорда Никита «заболел» русской театральной живописью. Однако хотел окружить себя красивыми произведениями и иметь эту возможность — различные вещи. Фактически начало коллекции было положено Лобановым в 1959 году, уже в Америке.

Это было удивительно насыщенным периодом жизни Лобанова. Работа и путешествия, он обездвижил весь мир. В Патагонии на юге Аргентины «присидел» полтора года — искал нефть. На Аляске и в Тунисе искал руту, в Венесуэле — никель, в Либерии — железо...

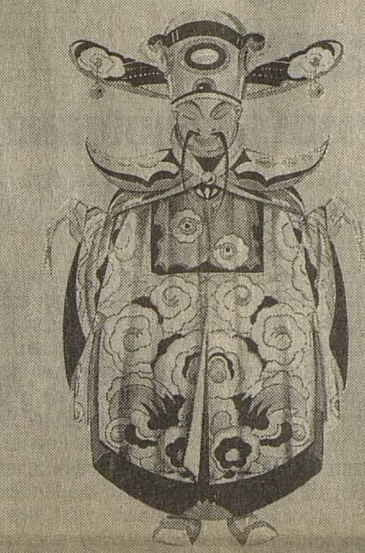
Рассказывает Никита Дмитриевич:

— Вскоре я расстался с геологией. Ибо очень быстро понял, что в США геологи не руководят нефтяными компаниями. Несмотря на то что основа состояния любой такой фирмы — правильное решение геолога: где бурить. И тогда я написал своему коллеге по Оксфорду (он учился в школе бизнеса в Стенфорде): «Как человек на Западе может легко сделать состояние?» Он принял мой вопрос всерьез и ответил, что есть три способа — брак по расчету, работа в инвестиционном престижном банке (куда люди попадают по балу или семейным связям) или же — поступить в любой банк клерком и делать карьеру снизу вверх. Мне пришлось выбрать последний способ...

Надо сказать, что Никита Дмитриевич вполне преуспел. Его послужный список, записанный в справочнике «Кто есть кто», довольно внушителен: административные посты

Мстислав Добужинский. Портрет Веры Немчиновой, 1933 г.

Георгий Пожедаев. Эскиз к опере «Турандот», 1929 г.

бывшую шлоху, и Алма оказалась в полной изоляции. Тогда со злости она построила — в 1924 году — в Сан-Франциско точную копию здания Почетного Легиона в Париже и наполнила это помещение скульптурами Родена. Один итальянец начал скупать в Париже для Алмы де Бретвиль Спиркел «дятилевских» художников, поскольку она планировала достроить к музею флигель и разместить там экспозицию театральной живописи. В заключение г-н Уайт попросил Лобановых посмотреть русские картины, которые лежали в подвале музея.

Рассказывает Никита Дмитриевич:

— Мы напали на целый склад! Это было прекрасное собрание русской театральной живописи, которое мы в 1977 году каталогизировали. А чтобы восполнить некоторые пробелы, подарили им 40 работ из нашей коллекции. Теперь в Музее изящных искусств Сан-Франциско есть специальный сотрудник, который занимается этим собранием — Энси Ван Норман Баер. Она, кстати, установила прочные отношения между своим и Бахрушинским музеем в Москве, часто делает обменные выставки... Забавно, что все началось с обиды французской шлохи на общество.

Пойдет ли коллекция Лобановых с молотка?

В принципе, это самое полное в мире частное собрание театральной живописи, представляющее все стили и направления русского искусства с 1880-го до 1930-х годов, вполне может постичь участь коллекций, которые по тем или иным причинам были распроданы по частям.

Рассказывает Никита Дмитриевич:

— Сейчас мы живем на те деньги, которые зарабатываю я или Нина (она пишет книги). Мы привыкли жить известным образом. Как только я перестаю зарабатывать деньги, т.е. получать жалование, или Нина по той или иной причине перестает писать книги, у нас не будет никакого дохода.

Наш главный капитал — в нашем собрании, которое стоит несколько миллионов долларов. Поэтому мы говорим о продаже коллекции. Но — обычный покупатель нас не устраивает. Например, галерист из Сан-Франциско Мартин Моллер предложил нам 5 миллионов долларов за те картины, которые экспонировались в Москве. Он честно сказал: покупаю потому, что могу продать дороже, но — по одиночке. Мы ему отказались... По крайней мере, сегодня наша цель не просто продать коллекцию за деньги — иначе бы мы просто ставили каждый год по несколько работ на аукцион Сотби. Наша цель — ее сохранить. И если бы сегодня какой-то музей нам предложил купить все собрание, мы бы его продали. Конечно, жалко расставаться с любимым детищем. Но прямых родственников у нас нет. И выход другого нет.

Именно поэтому Никита Дмитриевич так горюшил издать полный каталог своей коллекции. Что бы ни случилось с картинами в будущем, по крайней мере в этом двухтомном издании работы Лобановых навсегда вместе.

Каталог весьма обширен. Вот как он был представлен князем в Москве: «Эта книга является энциклопедией русской сценарной за период 1880—1930. Автор проводит читателя через сложный лабиринт художественных течений, театральных школ, постановок и проектов, которые привлекали к работе в театре множество русских художников. Каталог описывает 1044 работы ста сорока восьми художников нашего собрания, включая Бакста, Бенуа, Гончарова, Ларионова, Малевича, Попову, Татлину, Экстер и других выдающихся мастеров эпохи модернизма. Книгу дополняют отдельные статьи на сопутствующие темы, а также справочные материалы и фотографии, связанные с коллекционерской деятельностью Лобановых».

Многие из художников каталога широко известны в России; другие — нет. Я имею в виду таких мастеров, как Борис Билибинский и Евгений Дункель... Их присутствие в книге берет, вероятно, интересно для российского читателя.

«Художники театра» — результат 20-летней работы и сотрудничества между Никитой и Ниной Лобановыми-Ростовскими и Джоном Э. Бойлом. Но книга также многим обязана усилиям других коллекционеров и ученых в России и за рубежом».

Как-то князя спросили, на каком языке он думает. Князь ответил: «Наше все на английском. После недели в Москве, замечая, что думаю по-русски. То же самое со мной случается во Франции. Но считаю почему-то всегда по-болгарски. Не помню, когда я плакал в последний раз, но знаю, что в момент тяжелой физической или душевной боли заплачу по-русски».

Елена СКВОРЦОВА
Лондон — Москва

Ода в честь французской шлохи

Один из крупных подарков — более 40 работ — Лобановы сделали Музею изящных искусств в Сан-Франциско, куда они переехали в 1974 году.

В первые же дни супруги были приглашены президентом банка, вице-президентом которого был князь, на ужин. Присутствовал там и директор Музея изящных искусств г-н Уайт, который повел забавную историю создания музея.

Много лет назад в городе появилась француженка Алма де Бретвиль. Она была удачливой куртизанкой. Пиком ее «карьеры» стал брак с сахарным магнатом, господином Спиркелсом. Однако общество Сан-Франциско не пожелало признать

В одном из следующих номеров мы опубликуем воспоминания Никиты Дмитриевича о его первых шагах в сборе коллекции, о встречах князя с русскими художниками «блуждающего круга» и их потомками в эмиграции.